

ОТ РЕДАКЦИИ

По всей стране постоянно проводятся различные поэтические праздники. Но это лишь иллюзия востребованности стиховой стихии нашим населением. Современный российский народ едва воспринимает поэзию на уровне темы, да и не поэтические выплески это вообще, а одно большое графоманское гулянье... Но бывают среди этого фестивального шабаша все-таки интересные встречи.

Так, в брянском Овстуге пытаются который уж год зафиксировать на постоянной основе молодежные поэтические чтения под тютчевским, естественно, девизом «Великий праздник молодости чудной». Среди откровенно слабых творений попадают и увлека-

тельные авторы. Парочка таких перед вами, читатели.

Но главное в другом: в стремлении сберечь породу людей, способных действительно осознавать, что Федор Иванович не столько искусный дипломат, сколько великий поэт России.

Еще добавим, праздник молодости чудной к этой весне брянские чиновники-корытолизы попытались прикрыть, на скорую руку уволив главного собирателя молодых голосов, директора тютчевского музея Оксану Славянскую. Но стараниями, в том числе и нашего издания, смелый директор вновь на своем месте, а с нами опять Великий праздник молодости чудной!

* * *

Мне снился город бледно-золотой,
по-августовски ветренный, печальный,
нечаянно, безудержно прощальный,
старинный город арок и мостов.

А в комнатах неузнанного дома
играло не о нас ли фортепяно,
о тех, что так свободой были пьяны,
луча вольней и ветра невесомей?

Там ложь была от правды отличима,
ложился свет в распахнутые окна,
широкий, золотой, калейдоскопный,
а мы с тобой, смеясь, шагали мимо.

Мы были дети; за руки держась,
бродили мы по улочкам старинным,
заглядывая в каждую витрину, —
витрин так много в первых этажах!

Казалось нам, что всеми мостовыми
и гулками не нашими дворами,
своими и чужими адресами
мы двое пробежали в этот день.

Друг другу обещали не расстаться,
пускай, что лето кончится назавтра,
мы в вазу вместо роз поставим астры
и так же будем ими любоваться,

напишем стансы... что это, я плачу,
проснувшись, не найдя себе ответа,
где город золотой? и где тот мальчик,
с которым мне, смеясь, бродить по свету?..

Послесловие (Борису Рыжему, Нике Турбиной и другим)

Отчего непременно нужно было закончиться,
в двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, на излете юности?
От любви, от хаоса, просто от одиночества,
от загула, запоя, чьей-то случайной грубости?

От кого ты сбежал, мальчик,
От кого улетела, девочка?
Навсегдашняя девочка,
двадцать — и горстка мелочи,
было, все было — не было ничего.
Поросло травой.

Навсегдашний мальчик,
алмаз на грязи окраинной,
смотритель граненых стаканов и хулиган,
подойди, угостись портвейном, сырком плавленым.
Жаль, не деньгами — стихами набит карман!

Подойдите оба, и ты, что петлею обвить,
и ты, что с окна распахнутого летала,
для чего, почему?
Того, что вы нам оставили,
было мало,
для будущих юных преступно мало!
Концентрат поэзии — нам разводить пожиже,
кипяточком, водой из-под крана,

взахлеб глотая
остатки сладки!
...жидкие наши вирши
даже малой жажды мира не утоляют.

Я за вас поднимаю пластиковый стаканчик
как хрустальный бокал, наполненный жаром лета,
навсегда двадцати семи не доживший мальчик,
навсегдашняя девочка с песенкой недопетой.

Все острее запахи яблока и сирени,
побродяжная ночь за горло хватает чутких.
Нам дожидаться рассвета — малое, но спасенье.
Допить последнее. Выкурить самокрутку.
Попрощаться с тенью.